

Неделя мясопустная, о Страшном суде (Мф.25:31-46)

«...и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую»

О последнем, страшном суде Своем над всеми людьми, при втором Своем пришествии, Иисус Христос учил так:

Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую.

Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?

И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня.

Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?

Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. -

И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

**ВЫБИРАЙТЕ САМИ, ГДЕ ВСТАТЬ:
СПРАВА или СЛЕВА?**

ЧТО Я ПОДАРИЛ ЛЮДЯМ ЗА СВОЮ ЖИЗНЬ?

Каждое утро человек встает перед выбором: кем я сегодня буду? И, если мы отошли на левую сторону, то отошли сами. Не Бог нас наказывает, не Бог нас от Себя отвергает. Человек сам отворачивается от Бога, человек сам устраивает себе суд, и сам себе объявляет меру наказания, и сам же это наказание будет нести. И каждый грешник сам пойдет в муку вечную, почувствовав, что ему просто не место между праведниками, ему там будет плохо, скучно, он просто будет чувствовать себя «не в своей компании», если можно так выразиться. О, сколько времени погубили мы в нерадении! О, как насмеялся над нами суетный мир!

При жизни мы стоим между раем и адом. Есть еще время и возможность оправдаться покаянием и слезами. Поэтому в неделю о Страшном суде неплохо бы нам всем об этом поразмышлять. То, что в нашей жизни неисправно, надо исправить ради Христа, ради Его Крови. И, если для нас это не пустые слова, то надо начинать что-то делать. Потому что если ты ничего не делаешь, значит, ты служишь дьяволу. Нельзя ничего не делать. Камень не может в воздухе висеть: либо он летит вверх, либо он падает вниз. Другого ничего нет, остановиться в этом падении мы можем только покаянием.

А покаяние — это не значит просто назвать, зафиксировать свои грехи: вот я этим грешен, я этим грешен. Надо обязательно что-то конкретно в своей жизни ежедневно исправлять. Только это есть жизнь христианская, только это есть жизнь, которой ждет от нас Господь, только эта жизнь приводит к благодати Божией, приводит к Царствию Небесному. Нужно себя менять.

Из проповеди митрополита Антония Сурожского в Неделю о Страшном суде

БЫТЬ ХРИСТИАНИНОМ. Митрополит Антоний Сурожский рассказывает о двух людях, которых знал сам: «Один из них был верующий христианин, твердо убежденный, что он должен выполнять каждую заповедь Христову. Но вот один пример того, как он подходил к этому выполнению. Он был человеком с достатком, дом у него был хороший, полы начищены. Когда к нему в дверь стучался

нищий, он ему открывал, останавливал бедняка на пороге и говорил: “Стой, где стоишь, не влезай в мой коридор своими грязными сапогами”. Потом он выносил нищему тарелку супа с куском хлеба и говорил: “Ешь! – но на дворе”. Когда с едой было кончено, он ему давал какую-то монетку: “А теперь уходи!” И он считал, что выполнил заповедь Христову “накорми голодного”.

А вот другой пример. Во время немецкой оккупации я преподавал в Русской гимназии в Париже. Среди воспитателей был очень суровый, строгий человек, он был замкнутый, о нем никто ничего не знал; в частности, не знали, в какой нищете он сам живет. И вот такая картина: мальчики, девочки бегут в школу, идет туда же этот воспитатель. У дороги сидит нищий, перед ним – шапка. Много народу проходит. Некоторые проходят мимо, “не замечая” его, потому что стыдно посмотреть и не дать ничего. А некоторые, проходя, просто в эту шапку кидают монетку, а на человека даже не посмотрят. Они свое сделали; он для них не человек, он – нищий; а нищий – это просто шапка. И вот подходит этот воспитатель. Он остановился, снял шляпу и что-то сказал нищему; ничего ему не дал, а нищий вскочил на ноги, обнял его, и они расстались. Это видели дети.

Когда воспитатель пришел в гимназию, дети его окружили и засыпали вопросами: “Кто этот человек? Он что, вам родственник? Или знакомый? Почему вы сняли шляпу? Вы ничего ему не дали, – почему же он вскочил и вас поцеловал?.. – и загнали воспитателя в угол. И он ответил им приблизительно следующее: “Я шел пешком с другого конца Парижа, потому что у меня на метро денег не было; я шел по дороге и издали видел этого нищего; видел, как проходили люди мимо, видел, как некоторые бросали монетку в его шапку, даже не взглянув на него. И я подумал, что если я мимо него пройду и не окажу ему внимания, у него, может, умрет последняя вера в человека: на него не только не взглянули, но даже не потрудились от своего достатка самую малую полушку бросить ему. А денег не было! Давать было нечего... Я остановился и снял шляпу перед ним, чтобы он почувствовал, что мы на равных, что я в нем вижу равного себе человека, а не нищего, и ему объяснил: Простите – я ничего вам не могу дать: у меня ничего нет... И этот человек вскочил и меня обнял”».

Встреча. «Мама, не прогоняй его! Это же наш Бог Иисус Христос!»...

В страшном каунасском гетто уничтожили много евреев. И один молодой 30-летний еврей, голый, стоя на краю рва, упал вниз с первыми звуками очереди. Его завалило телами. Он в ужасе стал выбираться. Пытаясь вылезти, зацепился руками за бруствер. Полицай, засмеявшись, проткнул ему руки штыком. И он свалился обратно. До ночи он лежал во рву. И ров под ним дышал, стонал и шевелился.

Ночью он выполз, встал на ноги и побрел в сторону далеких огней. Набрел на хутор. Как-то перелез через забор и увидел у крыльца на веревке какую-то простыню. Он накинул ее на себя, поднялся и осторожно, пробитыми руками, стал скрестись в дверь. Дверь отворила молодая женщина. Он перешагнул через порог, навалился спиной на косяк и прошептал: «Спасите меня...» Она поджала губы и говорит: «Уходи от сюда! Если тебя здесь найдут — бьют и меня, и моих детей! Уходи туда, откуда пришел!» Он посмотрел на нее и говорит: «Не прогоняй меня!» И вот он стоит перед ней, изможденный, с пробитыми руками, в белом, и спутанные волосы все в крови прилипли ко лбу. Он молчит. И она молчит. И она покачала головой: «Уходи!» И вдруг из-за

занавески выбежала маленькая светлая девочка, подбежала к ней, обняла ее за ногу, подняла голову и сказала: «Мама, не прогоняй его! Это же наш Бог Иисус Христос!»...

Они прятали его и ухаживали за ним. Потом он ушел к партизанам. Воевал. Участвовал в самых дерзких операциях. Всех удивляло, что у него напрочь отсутствовало чувство страха. Погиб он уже в самом конце войны.

Я разговаривал с этой девочкой в 1988 году, в Каунасе. Ей было пятьдесят. Она была моложе, чем я сейчас. И я слушал ее, и меня знобило. И я ей говорю: «Ну да, конечно, изможденный человек, лоб в крови, руки пробиты, запахнутый в белое... Вы же тогда маленькая были, просто такое впечатление...» А она подняла на меня глаза, посмотрела спокойно и внимательно, покачала головой и говорит:

«Вы не поняли. Это действительно был Иисус Христос».

<http://www.pravmir.ru/vstrecha-3>

ПОЧЕМУ СТРАШНЫЙ СУД НАЗЫВАЮТ СТРАШНЫМ

Почему этот суд называют Страшным, и чем он отличается от обычного земного суда?

1. На земле судят судьи - обычные люди. На Страшном Суде судит Сам Бог.
2. Судья не может знать все про человека. От судьи можно что-то скрыть. Бог знает все. От Бога скрыть ничего нельзя.
3. На земле судят только тех, кто нарушил закон. На Страшном Суде судят всех.
4. Человек может попросить земной суд пожалеть его. На Страшном Суде человек ни о чем попросить уже не может. Оправдаться там уже нельзя.

Страшный суд - это суд Бога. Он всегда честный и справедливый. Поэтому его называют Страшным.

Что же может нам помочь на Страшном Суде? Господь отвечает нам на этот вопрос в притче, которую мы слышали сегодня. Каждый день мы можем выбирать, как поступить: обидеть или защитить; сделав что-то плохое, забыть об этом или попросить прощения; утешить или пройти мимо; можно разозлиться и полезть в драку, а можно сдержаться и не ответить. Можно заняться своими делами, которые всегда кажутся очень важными, а можно в это время друга в изоляторе навестить. Да мало ли добрых дел можно сделать! Важно только этого хотеть и помнить, что только любовь к ближнему и милосердие могут помочь нам на Страшном суде.

Спешите делать добро!

В 20-х годах XIX века на улицах Москвы можно было видеть элегантную английскую карету, запряженную цугом четверья белоснежными конями. Карета останавливалась перед княжеским или графским особняком. Из нее выходил господин, одетый по моде еще Екатерининского века: атласный кафтан, белое жабо и манжеты, короткие до колен панталоны, черные шелковые чулки, башмаки с пряжками, волосы собраны под рыжеватый парик. На крыльцо выбежали лакеи, потом сам хозяин. Таким видели тогда глазного доктора Федора Петровича Гааза. Он был искусный врач, модный, и потому богатый: дом в Москве, подмосковное имение в Тишках, а там суконная фабрика. Доктор был принят в лучших домах, имел хорошую библиотеку, переписывался с Европой — с модным тогда Шеллингом. Был запросто вхож в резиденцию столичного генерал-губернатора князя Голицына...

А через 30 лет, в 1853 году, в скромной квартирке при полицейской больнице скончался старик. Кроме убогой мебели осталось несколько рублей да кучка медных монет — все имущество “тюремного доктора”. Хоронить пришлось за казенный счет, то есть более чем скромно. Но... Из трущоб Хитровки и притонов Божедомки на улицы потек народ, который был не в ладах с полицией. 20 тысяч человек — вся Москва по тому населению — вышли проводить в последний путь доктора Гааза, “нашего доктора”. Гроб несли на руках до кладбища на Введенских горах. Генерал-губернатор, опасаясь беспорядков, послал полицмейстера с казаками, дабы предотвратить беспорядки. Но тот, увидев мирное шествие, отпустил казаков и сам пошел вместе с толпой.

А когда Федор Петрович был при последних минутах в этом мире, служащие пересыльной тюрьмы обратились к священнику с просьбой отслужить обедню о выздоровлении больного. Но доктор не был крещен по православному обряду. О. Орлов обратился в своем затруднении к митрополиту Филарету, возглавлявшему Московскую епархию. И тот сказал: “Бог благословил молиться о всех живых — благословляю тебя... мы с тобой увидимся”. И когда священник начал служить обедню, карета московского владыки стояла у крыльца. А ведь именно всесильного митрополита однажды доктор посрамил публично. Но об этом мы еще расскажем...

Фридрих Иосиф Гааз родился в 1780 году в небольшом городке близ Кельна в многодетной семье потомственных врачей. Окончил курс в Вене и занялся глазными болезнями. Случайно его позвали к русскому вельможе князю Репнину, страдавшему глазами. Лечение прошло успешно, и князь уговорил доктора поехать с ним в Россию. Вскоре молодой врач приобрел обширную практику. Ему были открыты больницы и богоугодные заведения. В Преображенском богадельном доме доктор увидел множество совершенно беспомощных больных и стал их лечить бесплатно. Успех его врачевания был таков, что явилось у властей желание привлечь молодого доктора на действительную службу. И в 1807 году Павловская больница получила высочайшее повеление: “По отличному одобрению знаний и искусства д-ра Гааза, ее императорское величество (Мария Федоровна) находит достойным быть определен в Павловскую больницу главным доктором... и вступить в должность немедленно... Что же касается, что русского языка не умеет, то может оному выучиться скоро, а с нашими лекарями

может изъясняться по-латыни”. Вступив в должность, Федор Петрович, как его стали звать, не оставил тех, кто не мог платить, и лечил их безвозмездно, за что был удостоен Владимирского креста IV степени — награды, которой гордился всю жизнь.

В 1809 году доктор совершил поездку на Кавказ, где описал целебные свойства тамошних “кислых и железных вод”. В 1812 году доктор оставил службу в больнице и был зачислен в действующую армию. Побывал с ней в Париже и вернулся на родину, где похоронил отца.

Но Гааза уже тянуло на его новую родину. Занялся частной практикой, более чем успешной. К нему приезжали консультироваться издалека; даже генералу Ермолову советовали с Кавказа приехать в Москву, чтобы показаться доктору Гаазу.

Все так бы успешно и шло в карьере модного доктора, если бы Московский генерал-губернатор князь Голицын не пригласил однажды его в состав Попечительного тюремного комитета, учрежденного по повелению Александра I. И тут модный доктор столкнулся с тем, что навсегда определило его жизнь как “тюремного доктора” и через 30 лет вывело на улицы столицы 20 тысяч униженных и оскорбленных, чтобы проводить “своего доктора” в последний путь...

И сейчас тюрьмы не сахар на святой Руси. Но в начале XIX века это было нечто невообразимое. В это время была напечатана книга англичанина Говарда, обратившего внимание на состояние мест заключения и тем положившего начало “тюремному делу”. Это не прошло и мимо внимания российских властей. Александр I поручил англичанину обследовать петербургские “места скорби”. И вот результаты этого обследования, представленные императору.

“Тюрьмы Петербурга, — писал англичанин, — это мрачные, сырые комнаты, почти лишенные воздуха, с земляным или гнилым деревянным полом. Свет проникает сквозь узкие щели на уровне пола. Нет ни отхожих мест, ни умывальников. Все спят вповалку на полу из-за отсутствия даже нар. На ночь ставится параша. В обыкновенных комнатах содержится до ста человек. В помещении на 50 человек содержится 200. В местах, предназначенных для исправления нравов, царит разврат, нагота, холод, гладкая нужда и мучительство”.

Еще хуже в “съезжих домах” — так называли наши СИЗО. Женщины здесь не отделены от мужчин, надзор за теми и другими возложен на гарнизонных солдат и надсмотрщиков, получающих грошовой содержание и потому обкрадывающих несчастных. Дети, взрослые, старики сидели вместе; заподозренные в полицейских нарушениях — вместе с убийцами. “В одном месте, — пишет обследователь, — сидели вместе дети 11—12 лет, разбойники, скованные цепью, и 72-летний Тимофей Георов, содержащийся уже 22 года”. Все содержались впроголодь: дежурному надзирателю выдавали 15 копеек ассигнациями на каждого заключенного, а уж сколько доходило до несчастного... Надежда только на подаяния, которые позволяли не умереть от голоду. Подаяния были, ибо известно, как на Руси: до суда — злодей, после приговора — страдалец.

Но особенно тяжкие условия были в пересыльных тюрьмах. С этим и столкнулся Федор Петрович Гааз, когда откликнулся на зов князя Голицына и вошел в Тюремный комитет. И когда впервые увидел Московскую пересыльную тюрьму, то пришел в ужас.

Московская пересыльная тюрьма находилась тогда на Воробьевых горах, напротив Девичьего поля и знаменитого монастыря. Здесь хотел Александр I воздвигнуть храм Спасителю. По замыслу архитектора, грандиозное сооружение должно было состоять из

трех частей величественного комплекса. Но воровство подрядчиков и строителей привело к неподъемному удорожанию постройки. Работы прекратили, архитектор угодил под суд, а недостроенные сооружения отдали под пересыльную тюрьму, с которой неразрывно связал свое имя доктор Гааз.

Через эту пересылку шли арестанты, ссылаемые из 24 губерний, не менее 6 тысяч человек в год. Здесь формировали “этапы” и по знаменитой Владимирке шли в Сибирь. Понятно, пешком — до Тобольска, Нерчинска, Сахалина. За 10 лет 160 тысяч человек, не считая жен и детей, следовавших за арестантом на поселение или на каторгу. Принявшись горячо за порученное дело, доктор Гааз увидел всю меру их страданий, далеко выходящих за пределы установленной законом кары. И прежде всего поразило доктора “препровождение ссыльных на пруту”.

Это дьявольское изобретение, до которого недодумалась изощренная в пыточных делах средневековая инквизиция, обрекало людей на невыносимые страдания.

В 1824 году по распоряжению начальника Главного штаба российской армии генерала Дибича “в виде опыта” были введены особые прутья для ссылаемых в Сибирь через Казанскую, Пермскую и Оренбургскую губернии. На толстый аршинный железный прут с ушком надевались 10 запястий арестантов, в ушко вдевался замок, а в каждое запястье заключалась рука. Ключи от замка находились у конвойного унтер-офицера в особой сумке, которая запечатывалась начальником этапа. Распечатывать сумку во время пути не дозволялось. На прут нанизывались правонарушители без различия степени вины: убийцы, мелкие воришки, дебоширы, утратившие паспорт, ссылаемые помещиком строптивные крепостные. Представьте только этих скованных прутком людей за целый день пути. Люди сбивались с ноги, слабые тягали сильных, запястья натирала руки, железо накалялось под солнцем и становилось ледяным на морозе. Наконец... по естественной нужде одного останавливались все и все делалось при всех. Люди завидовали каторжникам: шли в кандалах, но все же каждый сам по себе.

Так именно с этим прутком и столкнулся доктор, когда стал директором Тюремного комитета и получил под наблюдение пересыльную тюрьму на Воробьевых горах. Федор Петрович слышал слезные мольбы ссыльнопереселенцев, просивших как благодеяния уравнивать их с каторжными. Он сразу же восстал “против прута”. Ему советовали “отойти от зла”, не вмешиваться, ибо таковы правила, а плетью обуха не перешибешь. Доктор не отошел: он начал бомбить все инстанции с требованием отмены прута, и прежде всего министра внутренних дел Закревского. Он доказывал, что пытка прутком не предусмотрена ни одним приговором, что она не имеет смысла хотя бы в том, чтобы выбить признание, как это делают в пыточных застенках. А здесь пытка лишь потому, что так удобнее охране. Сочувствие он нашел лишь у московского генерал-губернатора князя Голицына. Но даже тот был не в силах пробить стену тогдашней “законности”. Обращение Голицына к министру внутренних дел — “сей образ пересылки крайне изнурителен для сих несчастных и превосходит самую меру возможного терпения” — вызывало лишь раздражение: “Генерал-губернатор возбуждает общий вопрос, не имеющий отношения к Москве, и как бы указывает министру на неурядицы в области его исключительного ведения”. Военному министру графу Чернышеву, генералу Канцевичу, командиру корпуса внутренней стражи, тоже не нравилось вмешательство в их “ведение”. Они знали, что за ходатайствами московского губернатора стоит беспокойный доктор Гааз. Но сказать Голицыну “не мешайся не в свое дело” тоже было нельзя; оставалось ответствовать бюрократическим измором. Запросили мнения этапных командиров о пруте. Те, понятно, ответили, что “никаких неудобств от заковки на прут не

представляется”. Князь Голицын обратился к самому государю. И только тогда... прут заменили подвижной цепью семи вершков с наручниками. Но десяток людей все равно оставались скованными друг с другом — охране так было удобнее.

Генерал-губернатор опустил руки. Но не доктор Гааз. Прежде всего он задумал освободить от прута руки арестантов. И сконструировал облегченные кандалы. Обычные каторжные весили 5 фунтов. Доктор облегчил до 3 фунтов, к тому же их можно было поддевать к поясу. В этих кандалах можно более свободнее идти. Арестанты называли их “гаазовскими”. Но и тут доктор встретил сопротивление. Где взять эти “гаазовские кандалы”? Тогда он за свой счет создал кузницу для изготовления кандалов. А князь Голицын своей властью всех поступавших из 24 губерний арестантов приказал перековывать и уже в таком виде отправлять по этапу в Сибирь. Таким образом, вопреки сопротивлению службы охраны, прут оказался уничтоженным. “Так, — писал современник, — серьезно задумался над страданиями людей среди общего жестокого равнодушия уроженец чужой страны”. Однако в 1844 году умер князь Голицын. Все дело облегчения участи арестантов, перековки их в Москве могло погибнуть. Тогда доктор Гааз, чтобы обратить внимание царя “на прут”, написал горячее письмо прусскому королю Фридриху-Вильгельму IV, умоляя короля обратить внимание на это своей сестры, жены Николая I. Только тогда дело завершилось в пользу доктора и к негодованию петербургских чиновников, называвших Гааза “утрированным филантропом”.

Назначенный секретарем Тюремного комитета, доктор Гааз со всей немецкой основательностью относился к своим обязанностям. В течение 25 лет было всего 293 заседания комитета, и только один раз он отсутствовал. Комитет, кроме всего прочего, выполнял функции комиссии о помиловании. В юридической практике того времени была такая новелла — “оставлении в подозрении”. При отсутствии собственного признания и узаконенного числа свидетелей следователь не передавал дело в суд, но фактически лишал человека всех прав и отправлял в ссылку.

В документах комитета есть 142 ходатайства доктора о помиловании или пересмотрении дела. Председателем комитета был митрополит Филарет, всемогущий иерарх, перед которым дрожала вся Москва. Был он крутого нрава, не терпел возражений. Председателю надоедали постоянные ходатайства Гааза о помиловании “невинно осужденных”.

— Вы все говорите о невинно осужденных, — сказал митрополит, — таких нет. Если вынесен законный приговор и человек подвергнут надлежащей каре, значит, он виновен.

— Да вы, владыко, о Христе забыли! — вскочил доктор.

Повисла тягостная тишина, все ждали вспышки. Однако митрополит опустил голову, минуты шли тягостно — никто еще не решался так дерзить митрополиту. Наконец, тот поднял голову и сказал:

— Нет, Федор Петрович, не я забыл о Христе. Это Христос забыл меня...

Доктор не останавливался ни перед чем, для него не было злодеев и душегубов, а лишь люди, которые нуждались в помощи. “Необходимо, — говорил он, — справедливое отношение к виновному, сострадание к несчастному, призрение больного”.

В 1839 году он собрал 11 случаев отказа рассмотреть его ходатайства Комитетом и написал прямо к царю. Ему ответили, что обращаться надо “куда следует”, а не к персоне государя. А через некоторое время Московский тюремный замок посетил Николай I. Тому сказали: доктор Гааз самовольно задерживает приговоренных к ссылке, а это

“против правил”. Царь, любивший во всем порядок, резко упрекнул доктора. Гааз ответил непочтительно. Николай нахмурился. Тогда доктор пал на колени. Николай Павлович, знавший Гааза, поднял его: “Полно, Федор Петрович, я на тебя не сержусь”. “Не за себя, государь, хлопочу, а за семидесятилетнего старика, который по дряхлости не может идти в Сибирь. И за двух сестер, молодых девушек, ссылаемых туда же. Они неразлучны, но одна заболела, ее оставляют, а другую ссылают. Больная просит, чтобы и ее отправили, лишь бы не разлучаться”. Теперь император бросил гневный взгляд уже в сторону свиты...

“Тюремный доктор” был бесстрашен перед царями. Но был бессилен перед вязкой бюрократической волокитой, которая губила все его начинания. И ему приходилось жертвовать всем, чтобы нести добро людям. Он добивался ремонта больничной палаты при тюрьме, ему отпускали 400 рублей, но работы обошлись в 470. И ничто не могло подвигнуть начальство на покрытие разницы — доктор докладывал свои...

В преступнике, сколько бы тяжкие дела он ни совершил, Федор Петрович видел человека, больного душой. Не сумасшедшего, а именно больного. Тесно общаясь с ними, доктор видел, с какой жадностью эти отверженные тянутся к слову Божьему. Он пошел с ходатайством к церковным властям о печатании и раздаче ссылаемым Евангелия и брошюр духовного поучительства. Церковные власти, конечно, приветствовали это, но ничего не делали. Гааз на собственные средства стал покупать книги, вовлек в это дело богатых купцов. Только один из них на 30 тысяч рублей купил 54 тысячи азбук и 11 тысяч Евангелий. За свой счет Гааз издал в 1841 году книжку “А.Б.В. христианского благочиния (А.Б.В. — азбука) и об оставлении бранных слов и выражений”...

И понятно, почему быстро исчезла карета с белыми лошадьми, с молотка пошла суконная фабрика, продано процветающее некогда имение и пришлось хоронить одинокого доктора-чудака за счет полиции...

Но хоронить его вышла вся Москва. Своей семьи “тюремный доктор” не имел. Он навсегда оказался обрученным с “самыми последними”. Но хоронить его вышла вся Москва. Своей семьи “тюремный доктор” не имел. Он навсегда оказался обрученным с “самыми последними”.

«У Гааза нет отказа» - московская поговорка XIX века. Его любимым выражением было:

Юрий ФЕОФАНОВ. “Тюремный доктор” Федор Петрович Гааз
http://archive.russia-today.ru/2007/no_22/22_devotees_01.htm